

РАННЯЯ ПОЭЗИЯ И. А. БУНИНА

Я. С. МАРКОВИЧ

У каждого художника есть пора ученичества, период подражания признанным талантам. Как долго длится этот период, когда начинается оригинальное творчество — установить точно невозможно, ибо и выбор образца для подражания, являясь сугубо личным, — творчество нового художника, лишь приоткрывшего нам завесу своего поэтического начала, мира образов, который сродни ему.

Имена, к которым обращался начинающий Бунин (1870—1953), столь многочисленны и так непохожи друг на друга, что бунинский выбор образцов может показаться хаотичным. Но в калейдоскопической перемене имен (А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Ф. И. Тютчев, А. А. Фет, Я. П. Полонский, А. К. Толстой, И. С. Никитин, С. Я. Надсон), отразившей смену настроений, вкусов и взглядов молодого поэта, нет ничего стихийного.

Уже прославленным писателем, Бунин, вспоминая детство, отрочество и юность, связывал свои восторги тех лет с поэтическим миром, в который его вводила жизнь родительского дома, преисполненного обожанием поэзии Пушкина. Имя это, писал Бунин, он слышал с младенчества, имя это во все дни будет сопровождать Бунина как неотлучный спутник, олицетворяющий ум, вкус, неповторимое мастерство.

В поэтической практике приобщение Бунина к поэзии Пушкина началось с подражания великому поэту «даже в почерке». Иллюстраций подобного копирования можно привести много. Ограничимся характерным примером:

Давно, давно воспоминанья,
Теснятся в голове моей,
Но я люблю свои мечтанья
Перекладать в стихи скорей.
Вот отчего поэма эта
Предстанет перед судом света,
Вот почему ее пишу
И уж заранее прошу
Прочсть ее без порицанья,
Как... как одне воспоминанья.

Это начало поэмы Бунина «Петр Рогачев». Шестнадцатилетний автор не прочь написать роман, но

Писать роман с правоученьем
Я не могу: уж очень млад,
Не хватит толку и уменья...

А поэму он пишет по разработанному Пушкиным плану, последовательно знакомя читателя с родословной своего героя, средой, окружавшей его, уделяя внимание сценам воспитания Петра Рогачева, его внешнему облику, характеру, наклонностям:

Петр Рогачев, мой друг-приятель,
У Шмитта на квартире жил,
И я, понятно, уж, читатель,
К нему частенько заходил.

Илу бывало это мимо.....
 Но впрочем мне необходимо,
 Как это водится, сказать
 Кто был отец его и мать
 (Ох! Мне уж перепевы эти!
 Нет хуже ничего на свете!)¹

Манера изложения с «вольными» авторскими отступлениями, течение стиха «Петра Рогачева» так хорошо знакомы читателям, что излишне подкреплять далее доказательствами силу воздействия Пушкина на «почерк» юного Бунина. На этой стадии своего творчества начинающий поэт учился у Пушкина ясности в выражении мысли, непринужденности языка.

Стихи Бунина того времени, какие мы находим в собраниях его сочинений, свободны от влияния поэзии Лермонтова. Тем неожиданнее может показаться признание Бунина, что ему, Лермонтову, он «в отрочестве подражал более всего».

Лермонтов вошел в жизнь Бунина в те же годы, что и Пушкин. Стихи Лермонтова были созвучны тем настроениям Бунина юноши, которые выразились в мотивах одиночества, неудавшейся любви, разочарования в настоящем. Вот что писал сам Бунин о своих юношеских годах: «...Внутренне одиноко, обособленно и невзрачно, вне всякого общества, жил я в ту пору моей жизни... Я по-прежнему чувствовал, что я чужой всем званиям и состояниям (равно как и всем женщинам)... Я жил на всех и на все смотря со стороны, до конца ни с кем не соединяясь...»².

Уже в первом сборнике Бунина звучат напевы несбывшихся надежд, утраченной молодости, а в любовных стихах молодого поэта слышатся грустные ноты даже в тех случаях, когда он пишет о разделенном чувстве:

Прости мне, милый друг! Те скорбные мгновенья,
 Когда я счастья ждал и жаждал сожаленья,—
 Давно уже прошли....

Теперь—мы счастливы... Но прежнего волненья
 И страсти, и любви уж нет в душе моей;
 Я был счастливее в те скорбные мгновенья,
 И вспомнить не могу без боли сожаленья
 Прошедших, грустных дней³.

Несомненно, что под влиянием известной инвективы Лермонтова Бунин написал второе из своих опубликованных стихотворений «Над могилой С. Я. Надсона», в котором: «Угас поэт в рассвете силы, заснул безвременно певец; смерть сорвала с него венец и унесла под свод могилы.... Угас поэт.... Но вечно будет он жить в преданиях времен, и долго-долго не забудет Отчизна лиры его звон!» (1, 455—456). Однако в целом строй поэзии Лермонтова был чужд Бунину. Утверждение через отрицание, что отличает творчество Лермонтова, не свойственно бунинской манере письма. Бунин—художник иного склада, иного поэтического мышления. В философии творчества он смыкался не с лермонтовской линией поэзии, а с пушкинским направлением. Но любовь Бунина к Лермонтову, как и к Пушкину, не ведала границ, все более и более усиливаясь, разгораясь пылкой страстью, которая озарит последние произведения художника романтическим пафосом.

¹ Л. Гольдин, О литературной деятельности И. А. Бунина конца 80-х начала 90-х годов. Ученые записки Орехово-Зуевского пединститута. Орехово-Зуево, 1958, вып. 3, т. IX, стр. 42—43.

² И. А. Бунин, Собр. соч. в девяти томах. М., 1965—1967, т. I, 1965, стр. 352. Далее ссылки в тексте будут приводиться по этому изданию Бунина с указанием в скобках тома и страницы.

³ И. А. Бунин, Стихотворения 1887—1891 гг. Орел, 1891, стр. 69.

Если о Пушкине и Лермонтове Бунин отзывается всегда восторженно влюбленно, то свое отношение к Тютчеву характеризует прямо противоположно. «Тютчев для меня ничуть не обязателен» (9, 255).— отгораживался Бунин от критиков. Но многие, даже зрелые его стихи, говорят об ином. Видимо, внешне отчужденное отношение Бунина к Тютчеву было обязано усердиям символистов, объявивших Тютчева своим предтечей.

Переключки с Тютчевым встречаются в первом же сборнике Бунина. Например, стихотворение «Не пугай меня грозю» исполнено тем же радостным буйством, страстным восхищением внешними силами природы, веселием грохочущего грома, что и стихотворение Тютчева—«Весенняя гроза», где гром, «как бы резвяся и играя, грохочет в небе голубом», а у Бунина:

Не пугай меня грозю:
 Весел грохот вешних бурь!
 После бури над землею,
 Светит радостней лазурь.
 После бури, молодея
 В блеске новой красоты,
 Ароматней и пышнее
 Распускаются цветы!
 (I, 68)

Подчас в стихах этого сборника тютчевские интонации звучат явно, возможно, даже подчеркнута явно, без попытки авторской оркестровки:

Взгляни, как кротко озаряет
 Лампада лик его святой,
 Как этот скорбный лик сияет
 Неизъяснимой красотой;
 Взгляни, как полон он терпенья,
 С каким спокойствием глядит,
 А на челе венец мученья,—
 Венец страдания лежит!⁴

Синтаксическое построение приведенного отрывка, словарь, своеобразная форма обращения к незримому свидетелю поэтических наблюдений и раздумий — характерны для поэзии Тютчева. Сравните у последнего: «Смотри, как облаком живым», «Смотри, как роща зеленеет», «Смотри, как на речном просторе»...

В философских стихах юношеского сборника Бунина влияние Тютчева еще ощути- мое, а следующее стихотворение воспринимается не иначе, как вариация на известное тютчевское «Молчи, скрывайся и тай»:

...Зачем и о чем говорить?
 Всю душу, с любовью, мечтами,
 Все сердце стараться раскрыть—
 И чем же?—одними слонами!

И хоть бы в словах-то людских
 Не так уж все было избито!
 Значенья не сыщете в них,
 Значение в них позабыто!

Да и кому рассказать?
 При искреннем даже желанье

⁴ Там же, стр. 57.

Никто не сумеет понять
Всю силу чужого страдания!
(I, 74)

Желание «слиться с душою природы» и главное — стремление молодого поэта к широкому обобщению привело его к великому русскому поэту-философу. Лирика Тютчева найдет своеобразное преломление в поэзии и прозе Буннина.

Трудно переоценить роль Полонского и Фета в становлении поэтического голоса Буннина. Каждый из них отметил рашую лирику Буннина столь отчетливой печатью, что он в годы творческой зрелости, чтобы оттенить свою самостоятельность, счел необходимым вызвать своих учителей на «соревнование». Один из этих конкурсов описан О. Н. Михайловым: «Казалось бы, Буннин специально написал небольшую пьесу («Мы встретились случайно, на углу...» — Я. М.) на ту же тему, что и его учитель Я. Полонский. Вот стихотворение Полонского «Встреча»...

Стихи Я. Полонского, ставшие известным романсом, отмечены эффектностью, романтической приподнятостью тона. Все выражено в словах — подтекста не существует в изображении встречи — «падшей женщины» с давним возлюбленным, выносящим свой категорический и назидательный приговор...

Если у Полонского разыграна целая мелодрама, то у Буннина внешне как будто вообще ничего не происходит — все в подтексте. Иной и нравственный кодекс — поэт даже и не мыслит морализировать. Смысловая тяжесть в буннинских стихах перенесена в иную сферу — сферу разъединенности и отчуждения...»⁵.

Отражение «тяжбы» Буннина с Фетом наглядно проступает при сопоставлении стихотворения Фета «Первый ландыш» и «Ландыш» — Буннина.

Первый ландыш

О первый ландыш! Из-под снега
Ты просишь солнечных лучей;
Какая девственная нега
В душистой чистоте твоей!
Как первый луч весенний ярок!
Какие в нем нисходят сны!
Как ты пленителен, подарок
Воспламеняющей весны!
Так дева первый раз вздыхает —
О чем — неясно ей самой, —
И робкий вздох благоухает
Избытком жизни молодой⁶.

Ландыш

В голых рощах веял холод..
Ты светился меж сухих
Мертвых листьев... я был молод,
Я слагал свой первый стих —
И навек сроднился с чистой
Молодой моей душой
Влажно-свежий, водянистый,
Кисловатый запах твой!

(I, 444—445)

Сходство приведенных выше миниатюр очевидно. Собственно, здесь можно говорить даже не о разных картинах, а о различных художниках, нарисовавших одну и ту же картину, используя один и тот же ключ. Восклицанию Фета (О первый ландыш!), этому полноударному «о», в первом стихе Буннина соответствует ассонанс, образуемый троекратным повторением ударного «о», как бы передающего возглас восхищения (В голых рощах веял холод). И в том и в другом стихотворении показано прозябанье ландыша (у Фета — из-под снега, у Буннина — меж сухих, мертвых листьев). И там, и здесь нетронутая, целомудренная красота цветка передается уподоблением его молодости (у Фета — первым, еще неосознанным вздохам девушки, у Буннина — счастливому порыву души юного поэта).

И все же картину Буннина отличает более высокое образительное мастерство. Если Фет в передаче благоухания цветка ограничился общим, отвлеченным эпитетом

⁵ О. Н. Михайлов, И. А. Буннин, М., 1967, стр. 80—81.

⁶ А. А. Фет, Полное собрание стихотворений, Л., 1959, стр. 38.

(душистый), то Бунин передает очень тонко запах ландыша, выигрывая у Фета богатством палитры и четкостью рисунка. Но различия не только в этом. Фет эмоциональнее Бунина, Бунин много лаконичнее Фета. Описанию солнечных лучей, весенней радости Фет уделил несколько строк. Бунин тоже нарисовал весенний солнечный день, но одним мазком: у него ландыш «светился» под лучами весеннего солнца, а строкой «Я слал свой первый стих», передающей волнение, воспаляющую восторженность, сладостную муку творчества, воспроизводится чувство, какое передает целая строфа стихотворения Фета. И, наконец, Бунину удалось воссоздать не только образ лирического «я», но и духовный мир своего лирического героя.

Так писал Бунин в годы творческой зрелости? А в начале было:

И, как в зеркале, меж тростников,
С берегов опрокинулся лес,
И уходит узор облаков
В глубину отраженных небес.
(I, 57)

Эти строки из стихотворения Бунина 1887 г. «На пруде»—бледная копия стихов Фета:

Над озером лебедь в тростник протянул,
В воде опрокинулся лес,
Зубами вершин он в заре потонул,
Меж двух изгибаясь небес⁸.

И Фет, и Полонский у Бунина одни из самых любимых поэтов. Этой любви Бунин не таил. Вот что он писал в 1890 г. старшему брату: «В настоящее время все читаю Полонского... Что за милый и дорогой Полонский!»⁹. Стихи этих поэтов он с благоговением цитировал в новеллах, а одну из своих поздних миниатюр так и назвал по стихотворению Полонского. Этот рассказ Бунина, воспринимаемый как стихотворение в прозе, исполнен той же внутренней напевности, что и наивысшие образцы поэзии Полонского, в частности, его стихотворение «В одной знакомой улице», почти целиком цитируемое Буниным в своем одноименном рассказе.

У Фета и Полонского Бунин учился мелодике стиха и психологическим нюансам в передаче чувств. Их воздействие наиболее ощутимо в любовной лирике молодого поэта («Поздним летом», «На Днепре», «Поздно, склонилась луна», «Снова сон пленительный и сладкий», «Звезды ночью весенней нежнее», «Как свежа, как нарядна весна»).

Но следует отметить, что влияние Фета было менее органично, чем учеба Бунина у Полонского и А. К. Толстого. Смелое привнесение в поэтическую речь прозаизмов, обилие конкретизирующих деталей при описаниях и в то же время изысканная пластичность образов поэзии Толстого не только хорошо отвечали вкусам Бунина, но и совпадали с его собственными творческими устремлениями.

Органическая связь поэзии Толстого и Бунина проявится позднее. В 90-е же годы стихи прославленного поэта служили начинающему «уроками чистописания».

Когда заходит речь о тяготении молодого Бунина к творчеству Фета, Полонского и А. К. Толстого, то, как правило, проявляется тенденция объяснять приерженность Бунина к этим именам его дворянским происхождением. Социологически

⁷ Размеры статьи не позволяют привести пример еще одной поэтической дуэли между Фетом и Буниным, состоявшейся через девять дней после первой—написания «Ландыша». Представляем читателям возможность самостоятельно проследить за этим соревнованием, сравнив стихотворение Фета «В темноте на треножнике ярком...» и Бунина—«Мы рядом шли, но на меня...».

⁸ А. А. Фет, Полное собрание стихотворений, Л., 1959, стр. 259.

⁹ «Литературный Смоленск», Смоленск, кн. 15, 1961, стр. 288.

такое объяснение кажется состоятельным, но оно не соответствует действительному положению вещей.

Выбором образцов для подражания Бунин просто означил то, что было родственно природе его таланта. Объективность бунинского выбора для подражания подкрепляется и тем, что перечисленные выше имена—наипрочайшие представители предшествующей Бунину отечественной поэзии, хотя среди них и нет Н. А. Некрасова. У Бунина место Некрасова занял И. С. Никитин, а объяснение этому следует искать в том, что стихи Никитина, земляка Бунина, переводили на язык поэзии те явления быта и природы, с которыми юноша соприкасался непосредственно. Но Бунин не прошел и мимо опыта Некрасова, в защиту которого от нападков реакционной критики писал: «Говорить, что Некрасовы и их мотивы—«дрянь», болезненные уклонения поэзии с истинного пути... по меньшей мере, странно, если не больше. Некрасов—представитель нового духа поэзии, поэт, затронувший общественные мотивы»¹⁰.

Безусловно, что стихотворение шестнадцатилетнего Бунина «На деревенском кладбище» является «финалом» некрасовского «Размышления у парадного подъезда»:

Почивай же ты, люд трудовой,
Отдыхай ты под сенью могилы!
Много ты поработал в век свой,
С детских лет—не жалеючи силы!
Ты страдал и холодной зимой
В своем грязном убогом жилище;
Ты страдал летней жаркой порой—
Из-за скудной одежды и пищи;
Да! Вся тяжесть и грубость труда,
Вся была лишь для пищи, одежды!
И всю жизнь не имел никогда
Ты на лучшую участь надежды!
Без роптаний и жалоб ты нес
Крест свой тяжкий тяжелой дорогой,
И пролитых тобой—капли слез
Сочтены все у господ-бога.....¹⁰.

Но даже в этих строках сказывается больше стиль Никитина, нежели энергичный и мужественный почерк Некрасова.

Влияние Никитина не было длительным. Только в самых ранних стихах Бунина встречаются строки, тематически повторяющие более совершенные стихи сложившегося поэта-земляка. У Никитина

Душный воздух, дым лучины,
Под ногами сор,
Сор на лавках, паутины
По углам узор;
Закоптелые палаты,
Черствый хлеб, вода,
Кашель пряжи, плач дитяти.....¹¹.

А у Бунина

В душевной избе под напевы метели
В сумраке слышится скрип колыбели,
Двигается дымное пламя лучины,
Странно сереют в углах паутины,
Тени шагают за ним по избе...
Ветер поет монотонно в трубе!¹²

¹⁰ Л. Гольдин, Указ. соч., стр. 18, 12.

¹¹ И. С. Никитин, Полное собрание стихотворений. М.—Л., 1965, стр. 276

¹² Л. Гольдин, Указ. соч., стр. 12—13.

Социальная тема в начальном творчестве Бунина звучит нередко. Обращаясь к старшему брату, он пишет:

Но не подумай, что я еще в жизни
 Не испытал ни сомнений, ни дум,
 Что беспокойных, тревожных вопросов
 Еще не знает мой ум¹³.

Молодой поэт реагировал на прогрессивные общественные веяния тех лет, сблизаясь с интеллигенцией, оппозиционно настроенной к самодержавию. Так, в апреле 1890 г. он публикует стихи, посвященные памяти М. Е. Салтыкова-Щедрина, одно упоминание имени которого в то время расценивалось как «революционный акт». Бунин писал:

До конца своим орлиным взором
 Озирал ты родины простор;
 И тяжелой грустью и укором
 До конца светился грустный взор.

И пускай нередко упрекали
 За твое глумленье над толпой—
 Верь, что нет без злобы и печали
 И любви, глубокой и святой..

И сегодня с искренней печалью
 И с любовью скажет не один:
 Мир тебе в могиле молчаливой,
 Мир тебе, великий гражданин!¹⁴

Эта сторона творчества Бунина более четко проявилась в его заметках и статьях о Г. Успенском, Т. Шевченко, И. Никитине. Назначение художника поэт видел в общественном служении. В статье 1888 г. «Недостатки современной поэзии» Бунин писал: «Поэт должен проникаться всеми радостями и печальями людскими, быть искренним выразителем нужд и потребностей общества, направить ближних к добру и прекрасному.

Восстань, пророк, и виждь, и внемли:
 Исполнишь волею моей
 И, обходя моря и земли,
 Глаголом жги сердца людей.

Вот истинное призвание поэта, если только на поэзию смотреть серьезно, как на могущественный двигатель цивилизации и нравственного совершенствования людей... Пусть наряду с картинами современных бедствий рисуются идеалы лучшего, и будет вера в них и энергия» (9, 489—492).

Естественно, что Бунин предъявлял это требование и к собственному творчеству:

Слышишь? Вопли и рыдания,
 Слезы, жалобы, стенанья,
 Песни, полные тоски.....
 С колыбели до могилы
 И бессильный и унылый
 Этот голос слышим мы.....

¹³ И. А. Бунин, Стихотворения 1887—1891 гг. Орел, 1891, стр. 10.

¹⁴ «Русская литература», 1960, № 3, стр. 204.

Рисуя картину горькой жизни обездоленного народа, поэт в то же время верит в лучшую долю. Он продолжает:

Но у жизни благородной,
Честной, трезвой и свободной,
Гимн другой звучит всегда:
То призыв забыть стенанья
Для любви, для улованья,
Для могучего труда.....¹⁵.

Однако вера Бунина в лучшее будущее зиждется лишь на «уповании», отвлеченном оптимизме. Он не видит реальных предпосылок для изменения существующего миропорядка. Отсюда «призыв забыть стенанья», призыв к покорности, смиреннию. Обобщая факты социальной природы, поэт не викиает в их суть, причинность. У него встречается и такой «православный наш мужик», который

Смотрит ласково на вас
В простоте, кажись, своей.
А лишь ловит только час
Обратить вас половчей!¹⁶.

А ведь задолго до Бунина высоко ценимый им поэт, Никитин, весьма в прозрачной форме выявлял природу «мужиковых плутней», когда писал, как старушка

Думаег-гадает
Про своих сирот:
Кто их приласкает
Как она умрет.

Как начнут шататься
По дворам чужим—
Мудрено ль связаться
С человеком злым! ...

Горемыки-детки,
Долго ли до бед!
Оба малолетки,
Разума в них нет.

А уж тут дорога
Не к добру лежит;
Позабудут бога,
Потеряют стыд!¹⁷.

Итак, Бунин примечает в мужике или покорность и смирение, воспевая эти качества или беспричинную «грубость и дикость». В этой социальной близорукости—трагедия Бунина. Время четко вычертит произросшую отсюда его позднюю реакционную концепцию: «Есть два типа в народе. В одном преобладает Русь, в другом—Чудь, Меря. Но и в том и в другом есть страшная переменчивость настроений, обликов, «шаткость», как говорили в старину. Народ сам сказал про себя «Из нас как из дерева,— и дубина, и икона»,— в зависимости от обстоятельств, от того, кто это дерево обрабатывает»¹⁸.

Однако вряд ли можно признать справедливым мнение тех исследователей, которые считают, что демократические симпатии Бунина никогда не отличались устойчивостью. Начальное творчество Бунина носило демократический характер. Неумение разбираться в исторической обстановке вместе с пробуждением сословных предрассудков постепенно вводили Бунина в мир узко интимного «я», в мир отчужденности, неверия. В середине 90-х годов он переосмысливает поэзию Надсона, наследуя теперь не демократически ее тенденции, а следуя лишь настроениям фатальной предубежденности.

Современные исследователи склонны передоверять поздней бунинской ревизии «нового отношения к Надсону, повторяя вслед за Буниным то, что Надсон был для него

¹⁵ Л. Гольдин, Указ. соч., стр. 13.

¹⁶ Там же, стр. 14.

¹⁷ И. С. Никитин, Полное собрание стихотворений. М.—Л., 1958, стр. 111.

¹⁸ И. А. Буляев, Собр. соч., Берлин, 1934, т. I, стр. 13.

кумиром лишь на час. Анализ поэзии Бунина 90-х годов с очевидностью устанавливает иное: длительность прямого и опосредственного влияния поэзии Надсона¹⁹. Бунин был близок к Надсону даже в философии творчества. Печально знаменитые строки большого поэта: «Лишь бы как-нибудь было излито, чем многозвучное сердце полно» — стали лозунгом Бунина: «Я не знаю, что называется искусством, красотой в искусстве, его правилами. Верно, в том заключается оно, чтобы человек, какими бы словами, в какой бы форме ни говорил мне, но заставлял бы меня видеть перед собой живых людей, чувствовать веяния живой природы, заставлял трепетать лучшие струны моего сердца» (9, 505).

Можно указать и на многочисленные переклички Бунина с поэтами надсоновской школы, например, с начинающими К. Бальмонтом и Д. Мережковским. Даже название бунинского сборника 1898 г. «Под открытым небом» типологически созвучно названию сборника Бальмонта «Под северным небом», вышедшего двумя годами раньше. Все это приводит к тому заключению, что формирование поэтического галанта Бунина было тесно связано не только с его следованием классическим образцам прошлого, но и зависело от хода развития современной ему поэзии.

Бунин, которого трудно упрекнуть в излишней скромности, говорил, что так убого, как начинал он, не начинал никто. Эта самооценка прославленного художника слова не в меру сурова. Да, первый его сборник в общем неудачен, отличается бескровностью, обилием штампов, досадным пристрастием к отвлеченным рассуждениям в стихах, сочинение которых часто не давалось юному поэту и по чисто «техническим» причинам («мешал» размер, «не приходили» рифмы, из-за чего случалось прибегать к поэтической «вольности», например, переставлять ударения в словах: «во мраке—на маяке», «над волнами—под скалами»). В этих стихах сильна не только дань условно-выспренней манере традиционного, но и четко ощутимы перепевы с чужого голоса. Но не все юношеские стихи Бунина определяются этими качествами. Его ранняя лирика примечательна тем, что сквозь множество чужих голосов, сквозь многочисленные вариации и перифразы пробивается собственный голос поэта:

Зыблется пепельный сумрак над нивами,
А над далекой межой
Свет из-за тучек бежит переливами—
Яркою, желтой волной.

(I, 55)

Ритмико-мелодический строй этих стихов еще чужой. Но то, что «зыблется пепельный сумрак над нивами», подмечено уже по-бунински, зорко и точно. Здесь, рядом с темой природы, и раскрывается талант Бунина, характер которого сам юный поэт определил так:

Шире, грудь, распахнись для приятня
Чувств весенних—мигнутных гостей!
Ты раскрой мне, природа, объятня,
Чтоб я слился с красою твоей!

Ты, высокое небо, далекое,
Беспредельный простор голубой!
Ты зеленое поле широкое!
Только к вам я стремлюся душой!

(I, 53)

¹⁹ См. В. Шулятиков, Восстановление разрушенной эстетики (в кн. Шулятиков В. Очерки реалистического мировоззрения, М., 1923).

Чувство слитности с природой, сопричастности ко всему живому, благодаря изумительной наблюдательности Бунина уже в ранних его стихах выражалось свежо и непосредственно. В самом начале это были просто «зарисовки с натуры», в которых поэт как бы проверял свою способность детально передавать увиденное. Но и они, отмеченные бунинской конкретностью в воспроизведении деталей, подкупают непринужденностью, искренностью, теплотой интонаций и задушевностью настроений, которыми поэт ненавязчиво заражает своего читателя:

Высоко полный месяц стоит
В небесах над туманной землей,
Бледным светом луга серебрят,
Напоенные белою мглой.

В белой мгле, на широких лугах,
На пустынных речных берегах
Только черный засохший камыш—
Да верхушки ракии различишь.

И река в берегах чуть видна..
Где-то мельница глухо шумит...
Спит село... Ночь тиха и бледна,
Высоко полный месяц стоит.

(I, 60)

Ни одного отвлеченного образа. Детали, дополняя друг друга, создают реалистически цельную картину деревенской ночи с ее своеобразной тишиной. Стихотворение музыкально и стройно композиционно. Каждая последующая строфа связывается с предыдущей подхватом и развитием темы (вторая строфа начинается с лексического повторения последних слов первой строфы (стык), а третья строфа связывается со второй «сюжетно», начинаясь со стиха, который дорисовывает различные в белой мгле предметы, а заканчивается она повторением первого стиха первой строфы, опоясывая все стихотворение красочно-музыкальной лентой). Перебоем рифмовки во второй строфе (в ней стихи рифмуются по схеме аабб, а не абаб, как в двух других строфах) поэт удачно добился интонаций медленного эпического сказа, который отличается не только широтой охвата явлений, но и подчеркивает их типичность. Отчетливо слышен в стихах и «глухой шум» деревенской ночи, тонко переданный подбором звуков К—Ш—Г—Х—Ц.

Лучшие стихи Бунина вызвали восхищение его знаменитых современников.
«Недавно прочитал где-то стихи:

Грибы сошли, но крепко пахнет
В оврагах сыростью грибной...

Очень хорошо, очень верно»,— восторгается Л. Н. Толстой стихотворением Бунина «Не видно птиц. Покорно чахнет...».

Стихотворение семнадцатилетнего поэта «Не пугай меня грозою» переводит на родной язык национальный казахский поэт Абай.

Вспоминает В. Н. Муромцева-Бунинна: «Алексей Максимович просил Яна (Бунина—Я. М.) почитать стихи. Ян долго отказывался, он не любил читать среди мало знакомых людей, но Алексей Максимович настаивал:

—Прочтите «Ту звезду, что качалась в темной воде...», я так люблю эти стихи.

Ян обычно переставал читать то, что вошло в книгу, он даже мне не позволял перечитывать в его присутствии своих произведений. Но Горький так просил, что Ян про-

чел это восьмистишие, написанное в 1891 году... Алексей Максимович плакал, а за ним и другие утирали глаза»²⁰.

Доброе участие в судьбе юного поэта принял А. М. Жемчужников, который помог Бунину войти в «толстые» журналы. Вот что писал своему молодому коллеге старый поэт, разбирая стихи, присланные ему на суд в 1892 г.: «Многоуважаемый Иван Алексеевич, я получил сегодня ваше письмо от 19-го и спешу ответить.— Для меня нет никакого сомнения, что вы одарены очень симпатичным талантом... Ваши описания природы и весенние мотивы мне даже очень нравятся...

Если позволите, прибавлю на будущее время советы: будьте к себе строже. Вы мне писали, что вы очень молоды. Как вы счастливы! Из вас может выработаться изящный и симпатичный поэт,— если вы не будете давать себе поблажки. Пишите не как-нибудь, а очень хорошо. Это для вас вполне возможно. Я в этом убежден»²¹.

В большинстве своих произведений первого периода творчества (условно ограничим этот этап рамками 1886—1899 гг.) Бунин не достиг художественного совершенства, но в них проявились многие стороны мирозерцания поэта, которые в последующие годы найдут лишь более четкое выражение и развитие. Так, если в ранних стихах тлену противопоставлялась красота природы, то в зрелые годы поэт противопоставит «реке забвения» ту красоту, «что жизнь стремится вперед», красоту человеческой личности, при этом она будет трактоваться как нечто извечное, как качество константное, независимое от условий общественной жизни. Источником этих бунинских воззрений явилось его понимание природы как единства противоположностей Жизни и Смерти, что прозвучало уже в стихах 80-х годов:

Жизнь зарождается в мраке таинственном
Радость и гибель ея
Служит нетленному и неизменному—
Вечной красе Бытия.

(I, 65)

Но с самого начала подобное материалистическое мировоззрение носило стихийный, неустойчивый характер. Противоречие природы поэт стремился разрешить в своеобразном синтезе—Красота.

В 90-е годы Бунин осознал себя как художник, носитель того пафоса, нанярчайшим выразителем которого в русской поэзии суждено было стать ему.

Если назвать сконцентрированное словесно-образное выражение пафоса ключевым словом, то ключевое слово поэзии Бунина—«ТИШИНА» («И все кругом светло, все веет тишиной», «в тишине деревенских ночей...», «помню—долгий зимний вечер, полумрак и тишина», «тишина, тишина на полях», «звезды в тишине глубокой сторожат», «таинственно шумит лесная тишина», «край родимый—степь и тишина»). Бурные проявления природы, как то: буря, гром, гроза, ливень—не близки Бунину, хотя им также уделяется внимание. Но и в них поэт выделяет излюбленную тишину:

Как ты таинственна, гроза!
Как я люблю твоё молчанье,
Твое внезапное блистанье,—
Твои безумные глаза.

(I, 154)

Тишина, молчание очень привлекают Бунина. У него часто—«глубоко степь молчит—ни звука, ни движенья. В природе и в душе—молчанье и покой», «ясна заря, безмолвна степь», «молчание осеннего заката», «мертвое молчание ночи», «свет над кров-

²⁰ А. Бабореко, И. А. Бунин. М., 1967, стр. 129.

²¹ «Путь», 1912, № 12, стр. 34—35.

лями безмолвного села», «молчаливая грусть деревни». Улавливая причину этой грусти, сам поэт бессилен ее развеять:

Безотраден путь мой! Каждый божий день—
Глушь лесов да холод-голод деревень...
Стыдно мне и больно... Только стыд-то мой
Слишком скоро гаснет в тишине немой!
(I, 107)

Так что же такое «Тишина»? Может быть, «Тишина» — образ, связующий человека с природой, ведь тишина в природе погружает в мир мечты, располагает к раздумьям? Несомненно, «Тишина» несет эту связующую нагрузку, но стержневой корень образа глубже.

Бунин чуть ли не в каждом стихотворении дает картины сна: «Сладко спит весна-царевна...», «Пар, неподвижный и пахучий, стоял в хлебах. Спала земля...», «Еще усадьба спит...», «Спят безмятежным сном зеленые овсы...», «Глубоким сном среди лощины деревня спит...», «Шумит внизу прибой, залив кипит волнами, а здесь глубокий сон и вечная печаль», «Сонный туман на лугах серебрится, спит село... Ночь тиха и бледна». Через несколько лет поэт писал: «Не устану воспевать вас, звезды». И он, действительно, не уставал. Ни у одного русского поэта не найти столь частые описания звездного неба, ночи, сумерек, закатов. И на всем этом лежит печать элегичности:

Могилы, ветряки, дороги и курганы—
Все смерклось, отошло и скрылося из глаз.
За дальней их чертой погас закат румяный,
Но точно ждет чего вечерний тихий час.

И вот идет она, Степная ночь, с постока
За нею синий мрак за швами встает...
На меркнувший закат, грустна и одинока,
Она задумчиво среди хлебов идет.

И медлит на межах, и слушает молчанье...
Глядит во след зарн, где в сумрачной дали
Еще мерещутся колосьев очертанья
И слабо брезжит свет над сумраком земли.

И полон взор ее, загадочно-унылый,
Великой кротости и думы вековой
О том, что ведают лишь темные могилы,
Степь молчаливая да звезд узор живой.
(I, 93)

Элегии поэта гармонично дополняют картины осени, увяданья («Осыпаются астры в садах...», «Нагая степь пустыней веет...», «Листья падают в саду...», «Таинственно шумит лесная тишина...», «Зеленоватый свет пустынной лунной ночи...» и другие стихи). О чем же тоскует поэт? Если подобное настроение объяснить склонностью к печальным, грустным мыслям, которые вдруг навеивает молодость, тогда образ «Тишины» — безмолвия, сумерек, закатов, ночи, осени, увяданья — не раскроется, потому что эти настроения доминируют в стихах Бунина, но в то же время

О весна! Как сердце счастья просит!
Как сладка печаль моя весной!

И когда наступит пора,—весна

Глянет, вспыхнет—и улыбкой
Озарит весь мир влюбленный!

Лишь только рядом с образом «Тишина» строки Бунина исполняются элегичностью, а когда «Тишина» уплывает, перед взором поэта, влюбленного в жизнь с ее богатейшими звуками и красками, открывается

Счастье, молодость, свобода,
Солнце, степи, небеса.

Свои минорные и мажорные настроения Бунин поэтично синтезирует в образе весны:

В стороне далекой от родного края
Девушкой-невестой снится мне Весна:
Очи голубые, личико худое,
Стройный стан высокий, русая коса.
Весело ей в поле теплым, ясным утром!
Мил ей край родимый,— степь и тишина,
Мил ей бедный север, мирный труд крестьянский,
И с приветом смотрит на поля она:
На устах улыбка, а в очах раздумье—
Юности и счастья первая весна!

(I, 85)

«На устах улыбка, а в очах раздумье»—лучшее определение поэтического облика Бунина. Поэт стремится уйти от этих раздумий:

Если б только можно было
Одного себя любить,
Если б прошлое забыть,—
Все, что ты уже забыла,

Не смущал бы, не страшил
Вечный сумрак вечной ночи:
Утомившиеся очи
Я бы с радостью закрыл!

(I, 94)

Но ему никак не забыть прошлое. Даже во сне

...И снилось мне, что осенней порой
В холодную ночь я вернулся домой.
По темной дороге прошел я один
К знакомой усадьбе, к родному селу....

И сжалось сердце от боли во мне,
Когда я кругом поглядел при огне!
Навис потолок, обвалились углы,
Повсюду скрипят под ногами полы
И пахнет печами... Заброшен, забыт,
Навеки забыт он, родимый наш дом!
Зачем же я здесь? Что осталось в нем,
И если осталось—о чем говорит?

(I, 98—99)

Здесь и раскрывается символ «Тишины»—атрибута разорившихся, опустевших помещений. Отсюда ноты печали все чаще и чаще скрещиваются с мотивами одиночества и смерти. Бунин скорбит потому, что рушится милый ему уклад помещичьей старины. Такова социальная подоплека образа «Тишина», в которой истоки бунинских элегий, столь схожих с тургеневской печалью. И если в красках Бунина чуть больше темных тонов, чем у Тургенева, то это объясняется тем, что у Тургенева «запустение»—процесс, а у Бунина—факт. Тургенев свою «дворянскую» боль стремился умерить своеобразным признанием справедливости совершающегося. Барин в «Записках охотника» невежествен, груб, зол—человек, непригодный для жизни, а мужик—сметлив, умен, трудолюбив и поэтичен. Подобное «болеутоляющее» средство было неприемлемым для Бунина... Он как художник-реалист нового времени в «тишине» прочувствовал закономерность заката того сословия, с которым был связан кровными узами. В этом историко-литературное значение ранней поэзии Бунина.

Ի. Ա. ԲՈՒՆԻՆԻ ՎԱՂ ՇՐՋԱՆԻ ՊՈՆՁԻԱՆ

Յ. Ս. ՄԱՐԿՈՎԻՉ

Ա Մ Փ Ո Փ Ո Ւ Մ

Որոշ նշանավոր բանաստեղծ Ի. Ա. Բունինն իր բանաստեղծական ուսումնասիրությամբ ամենասերտ առնչություն ունի Պուշկինի, Լերմոնտովի, Տյուտչևի, Պուլնևկու, Ֆեետի հետ, որոնց պոեզիան նշանակալի ազդեցություն է թողել վաղ շրջանի նրա ստեղծագործության վրա: Չնայած գրան, Բունինը սկզբնական շրջանում գրել է բազմաթիվ ինքնատիպ բանաստեղծություններ, որոնք բարձր են գնահատել Լ. Ն. Տոլստոյը, Գորկին, Ժեմչուովիկովը և ուրիշներ: Բունինի ստեղծագործության այդ շրջանի գլխավոր թեման հայրենի բնությունն է: Առ այսօր որոշ գրականագիտական միտքը հիմնականում գրադվել է Բունինի 900-ական թվականներին այս կողմ բեկած գրական վաստակի քննությամբ՝ գրեթե լանդրադատնալով բանաստեղծի նախորդ շրջանի ստեղծագործական բնութագրին: Մինչդեռ, ինչպես պարզվում է. Բունինի վաղ շրջանի պոեզիան որոշ դասական գրականության ավանգուստների անմիջական շարունակությունն է: Բունինը իր գեղարվեստական կերպարներում արագցուցել է ժամանակի ազնվականության քայքայումն ու անկումը որոշական առաջին հնդպիոսության արշալույսին: Հենց դրանում էլ կայանում է նրա վաղ շրջանի պոեզիայի պատմական-գրական նշանակությունը: